

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЦЕЛЬ» И «ЗАДАЧА» В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Для оценки обоснованности мнений по вопросу о соотношении понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса анализируются философские понимание категории «цель», понимание терминов «цель» и «задача» в психологии, их толкование в словаре русского языка, положения уголовно-процессуального законодательства, как российского, так и бывших советских республик. Автор приходит к выводу об отсутствии оснований для однозначного разграничения понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; цель; задача.

Термины «цель» и «задача» в науке уголовного процесса используются в ряде разноуровневых направлений исследований. Во-первых, при определении назначения уголовного судопроизводства (процесса), поскольку, как принято понимать в настоящее время, его назначение выражается в целях или задачах, определяющих в целом его общую направленность. Во-вторых, при формулировании специфичных целей или задач отдельных структурных единиц уголовного судопроизводства (процесса), в том числе его стадий, а также и более мелких единиц – отдельных видов следственных и иных процессуальных действий. В-третьих, при определении вытекающих из выполняемых уголовно-процессуальных функций и занимаемого процессуального положения целей, задач деятельности отдельных участников уголовного судопроизводства.

Следует признать, что в указанных направлениях исследований традиционно отсутствует совпадение взглядов отечественных ученых-процессуалистов на соотношение понятий «цель» и «задача», этот вопрос был и остается дискуссионным.

Так, по мнению одних ученых [1. С. 38; 2. С. 140; 3. С. 14–15], основания для однозначного разграничения понятий «цель» и «задача» отсутствуют, следует считать неоправданной попытку сформулировать в теории уголовного процесса, а тем более в законодательстве, две системы соответствующих категорий целей и задач [1. С. 38], а спор о таком разграничении бессмысленным [2. С. 140]. Согласно этому мнению, термины «цель» и «задача» не различаются по своему содержанию, «цель» является философской, научной категорией, тогда как в практическом, житейском употреблении в качестве синонима этой категории используется более доступный для понимания обиходно-практический термин «задача» [1. С. 38; 4. С. 44]. Аргументируется данное мнение ссылками на философское рассмотрение категории «цель», а также на толкование терминов «цель» и «задача», даваемое в словарях русского языка.

Дополнительным аргументом в пользу указанного мнения долгое время являлась терминология российского (а ранее советского) законодателя, использовавшего название «Задачи уголовного судопроизводства» для определяющих направленность уголовного процесса статей прежнего отечественного законодательства (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [5], ст. 2 УПК РСФСР [6]). В процессуальной литературе, написанной до принятия и вступления в силу современного УПК РФ [7], использование для обозначения положений, закрепленных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и

союзных республик и ст. 2 УПК РСФСР, термина «задачи» поддерживалось, во всяком случае, не оспаривалось [8. С. 7; 9. С. 6–7; 10. С. 7–8; 11. С. 5]. Современный российский законодатель использовал для подобной ст. 6 действующего УПК РФ нейтральное для анализируемой дискуссии название «Назначение уголовного судопроизводства». В то же время термин «задачи» сохранен в названии такого рода статей в современном законодательстве подавляющего большинства бывших союзных республик, например ст. 7 УПК Республики Беларусь [12], ст. 8 УПК Республики Казахстан [13], ст. 2 УПК Украины [14].

По мнению же других ученых [15. С. 70; 16. С. 73; 17. С. 22–23], понятия «цель» и «задача» в науке уголовного процесса необходимо четко разграничивать. В обоснование данного мнения используются и интерпретируются опять-таки философское понимание категории «цель», понимание терминов «цель» и «задача» и их толкование в словаре русского языка, а также понимание этих терминов и их соотношения в психологии, в основном в психологической теории деятельности. Насколько успешно такое обоснование данного мнения?

Обратимся к анализу понимания сравниваемых терминов в философии, психологии, в том числе в психологической теории деятельности, а также их толкования в словаре русского языка.

Наиболее признанное в отечественной философии советского периода понимание категории «цель» можно найти в изданном в то время философском энциклопедическом словаре: «Цель – один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств» [18. С. 731]. Несколько более абстрактное, но, по сути, аналогичное понимание категории «цель» дается в современных философских словарях. Например: «Цель – конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть предопределяют выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению» [19. С. 646], «Цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс» [20. С. 659]. Следует отметить, что термин «задача» в качестве самостоятельной философской категории в данных словарях не рассматривается, специально и отдельно посвященное определение этому термину в них не обнаруживается. Поэтому невозможно сделать какие-либо

выводы о соотношении понятий «цель» и «задача» в философии в пользу доводов кого-либо из оппонентов в дискуссии по вопросу о соотношении этих понятий в науке уголовного процесса.

В психологии термин «цель» используется, по сути, в том же понимании, лишь немного уточненном, учитывая предмет данной науки. Так, согласно определениям, данным в ряде психологических словарей, как советского периода, так и современных, – «цель – осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека» [21. С. 440; 22. С. 583; 23. С. 917], или несколько другими словами: «Цель – психическая модель возможного и необходимого результата действий; предвосхищаемый полезный итог деятельности, определяющий поведение человека, регулирующий его программу и текущую коррекцию» [24. С. 507]. В уголовно-процессуальной литературе термин «цель» используется в аналогичном смысле – под целью предложено понимать «внутренний идеальный образ желаемого результата сознательной деятельности» [25. С. 20]. В свою очередь, основной смысл, вкладываемый в психологии в термин «задача», в психологических словарях формулируется следующим образом: «Задача – данная в определенных условиях (например, в проблемной ситуации) цель деятельности, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий согласно определенной процедуре» [21. С. 119; 22. С. 138; 23. С. 205] или «Задача – цель деятельности, осознаваемая в системе исходных условий» [24. С. 100].

В отечественной психологической теории деятельности представления о соотношении понятий «цель» и «задача» заключаются в следующем. Деятельность может быть описана как система сменяющих друг друга действий [26. С. 256; 27. С. 105]. При реализации деятельности ее цель «как бы разворачивается в систему частных задач, каждая из которых реализуется путем выполнения отдельного действия» [26. С. 254]. Цель с каждым таким «шагом трансформируется, выступая каждый раз как конкретная задача» [28. С. 209]. Таким образом, цель при осуществлении деятельности конкретизируется в задачу, т.е. «задача – это и есть цель, данная в определенных условиях» [27. С. 107].

С помощью приведенных определений философских, психологических словарей и представлений психологической теории деятельности мнение о необходимости четкого разграничения понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса аргументировать, мягко говоря, сложно. Сделанный же в литературе из анализа изложенных представлений психологической теории деятельности вывод о том, что «разграничение целей и задач вызвано необходимостью учета условий деятельности» [29. С. 111], невозможно распространить на положения закона о целях-задачах уголовного судопроизводства в целом (в настоящее время – о назначении) и его отдельных стадий. Проблематично это сделать и относительно определения общих целей-задач процессуальной деятельности отдельных участников уголовного судопроизводства.

Так, например, в одной из работ казахстанских ученых в ст. 8 УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК), именуемой «Задачи уголовного процесса», пред-

лагается положения ее части первой, а именно – быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, – именовать задачами уголовного процесса. В то же время такие положения части второй этой статьи, как обеспечение защиты от необоснованного обвинения и осуждения, от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительной и полной его реабилитации, а также способствование укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений, формированию уважительного отношения к праву, по мнению данных ученых, «являются ни чем иным, как целями уголовно-процессуальной деятельности» [29. С. 110].

Между тем непонятно, где в приведенных положениях части первой ст. 8 действующего УПК РК можно усмотреть указание на условия осуществления деятельности (уголовно-процессуальной в нашем случае)? Очевидно, что ссылки на представления психологической теории деятельности о соотношении понятий «цель» и «задача» в обоснование однозначного использования термина «задача» в смысле «цели, данной в определенных условиях», в данном случае нельзя признать состоятельными.

Конечно, сложно спорить с тем, что закрепленные в части первой ст. 8 УПК РК результаты, на которые должна направляться уголовно-процессуальная деятельность, носят промежуточный характер на пути достижения ее последующих должных результатов, сформулированных в части второй ст. 8 УПК РК. Но это также не дает оснований однозначно обозначать промежуточные результаты задачами, а последующие – целями. В отношении подобного критерия разграничения категорий «цель» и «задача» еще на ранних этапах анализируемой дискуссии было верно замечено о его противоречии «общепризнанному в философии положению о том, что цели (в смысле задач) могут быть ближайшими и перспективными, общими и конкретными и др.» [1. С. 38]. Вполне правильно будет называть промежуточные результаты промежуточными, ближайшими, конкретными целями, а последующие результаты последующими, перспективными, общими целями и т.п. Равно, по сложившемуся словоупотреблению, не будет ошибкой о промежуточных результатах говорить как о частных, специальных, непосредственных задачах, а последующие результаты обозначать общими, последующими, итоговыми задачами и т.п. Так, ранее в период действия УПК РСФСР вполне удачным было положения его части первой ст. 2 считать непосредственными или специальными задачами уголовного процесса, а положения части второй этой статьи – общесоциальными или общими задачами [3. С. 14–15; 10. С. 7–8].

В отношении ст. 6 действующего УПК РФ также сделаны аналогичные вышеизложенным предложения обозначать положения части второй этой статьи термином «задачи», а положения части первой этой статьи – термином «цели» [17. С. 17–18; 30. С. 94–95]. Так, в одной из современных работ делается вывод о

том, что в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ нечетко сформулирована основная цель уголовного судопроизводства – восстановление нарушенных прав потерпевшего, а уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, обозначенное (также, по мнению автора работы, не очень удачно) в ч. 2 этой статьи, является задачей, стоящей «перед государственным органом, без разрешения которой невозможно достичь цели уголовного судопроизводства, направленной на защиту потерпевшего» [17. С. 17, 18]. Учитывая сказанное выше, подобное разграничение понятий «цель» и «задача» нет оснований считать удачным и необходимым.

Даваемые в словаре русского языка толкования слов «цель» и «задача» также не дают оснований для однозначного разграничения этих понятий в теории уголовного процесса. Так, согласно словарю русского языка, цель – «это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить», а задача – «это то, что требует исполнения, разрешения» [31. С. 206, 870]. Как видно, речь идет, по сути, об одном и том же явлении, стимулирующем и направляющем деятельность человека.

Применительно к приведенным положениям закона можно констатировать, что каждое из них по существу содержит в себе указание на предмет стремления уча-

стников уголовного судопроизводства, т.е. на то, что им необходимо осуществить, и (вследствие закрепления в норме закона) требует исполнения, разрешения с их стороны. В каждом из них сформулировано то, что характерно для содержания как «цели», так и «задачи», согласно толкованию этих терминов в словаре русского языка.

Итоговый вывод из анализа философского понимания категории «цель», понимания терминов «цель» и «задача» и их соотношения в психологии, в том числе в психологической теории деятельности, толкования этих терминов в словаре русского языка – оснований для четкого разграничения понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса не имеется. Термины «цель» и «задача» следует понимать в одном смысле. Для избегания путаницы в словоупотреблении в теории и практике уголовного процесса, пожалуй, более правильно использовать термин «задача», как более здесь устоявшийся в употреблении и доступный для понимания. Разумеется, не забывая при этом, что уголовно-процессуальная деятельность, как и любой сложный вид деятельности, подчиняется не одной-единственной задаче, а комплексу взаимосвязанных и разноуровневых задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. 142 с.
2. Мизулина Е.Б. Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве: Сб. науч. тр. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1990. С. 139–148.
3. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 1997. 509 с.
4. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: Концепция самоограничения государства. Тарту: ТУ, 1991. 147 с.
5. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Утверждены Законом СССР от 25.12.1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. ст. 15.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27.07.2010 г.) // CONSULTANT.RU: Официальный сайт компании «Консультант Плюс». М., 1997–2010. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=102995> (дата обращения: 07.09.2010).
8. Советский уголовный процесс / Под ред. Д.С. Карева. М.: Юрид. лит., 1975. 567 с.
9. Советский уголовный процесс: Учеб. / Под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. М.: Юрид. лит., 1980. 568 с.
10. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000. 574 с.
11. Власова Н.А. Уголовный процесс: Курс лекций. М.: Изд-во Шит-М, 2001. 196 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: от 16.07.1999 г. № 295-З (по состоянию на 05.05.2010 г.) // Законодательство стран СНГ: [сайт] / СоюзПравоИнформ. Электрон. дан. М., 2003–2010. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?Regnom=2002 (дата обращения: 07.09.2010).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 13.12.1997 г. № 206-1 (по состоянию на 15.07.2010 г.) // Законодательство стран СНГ: [сайт] / СоюзПравоИнформ. Электрон. дан. М., 2003–2010. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?Regnom=1272 (дата обращения: 07.09.2010).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: от 28.12.1960 г. № 1001-V (по состоянию на 07.07.2010 г.) // Законодательство стран СНГ: [сайт] / СоюзПравоИнформ. Электрон. дан. М., 2003–2010. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?Regnom=8680 (дата обращения: 07.09.2010).
15. Томин В.Т. Понятие цели советского уголовного процесса // Правоведение. 1969. № 4. С. 65–70.
16. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 158 с.
17. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006. 352 с.
18. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
19. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
20. Словарь философских терминов / Науч. ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI. 729 с.
21. Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
22. Психологический словарь / Под общ. ред. Ю.Л. Неймера. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 639 с.
23. Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Харвест, 2005. 975 с.
24. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 558 с.
25. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975. 152 с.
26. Ломов Б.Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. М.: Педагогика, 1991. 295 с.
27. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
28. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
29. Жамиева Р.М., Каиржанов Е.И. Тактика адвокатской защиты по уголовным делам: Учеб. пособие. Алматы: Оркениет, 2000. 228 с.
30. Антонов И.А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 429 с.
31. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.